

Рус. *маскать, тащить*, до сих пор, кстати, удовлетворительно не объясненное, автор возводит к несохранившемуся **маска* 'сумка' (с. 281). Думается, однако, что *маскать* — изначально глагольное (интенсивное) образование — **tas-k-ati*, **tasati* < **tōs-* < **tes-*: **tos-*, так что дело здесь не в сумке.

Полезна точная этимология др.-рус. *томара* 'стрела', рус. диал. *томар*, *томарка* 'стрела с костяным тупым наконечником' в связи с осет. дигор. *tomar*, арийск. **taumara-* 'стрела', 'дротик', 'копьё', др.-инд. *tomara-* 'дротик', 'копьё' (с. 299).

Вряд ли можно согласиться с членением (да и вообще реконструкцией) слав. **š-tava*, **š-tavelь* (с. 326), возможно только **ščava*, **ščavьь*.

На с. 329 для ближайшего сравнения с осет. *tyl/tulə* 'мягкое место на темени новорожденного' так и просится рус. *тыл, за-тылок*. Равным образом для сравнения с осет. *tyrg/turgə* (дигор. — 'двор') (с. 341) напрашивается слав. **tьrgъ*, обозначающее в некоторых славянских языках 'площадь'.

Здесь можно и остановиться, пожелав автору благополучного окончания словаря, который начал выходить уже более двадцати лет назад. Но как гласит осетинская поговорка (с. 221), «быстрая река не достигает моря». Следовательно, медленно, но верно текущая — обязательно достигнет.

О. Н. Трубачев

Etymologica Brunensia. Sborník oddělení historickosrovnávací slovenské jazykovědy. Kabinet cizích jazyků ČSAV. Praha, 1978 (ротапринт).

Этот сборник является первой публикацией сотрудников брненского этимологического коллектива, работающего над созданием «Этимологического словаря славянских языков» (см. Úvod). На базе разработки этой фундаментальной темы уже были, правда, изданы «Základní všeslovenská slovní zásoba» (1964 г.) и пробный выпуск «Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo» (1966 г.). Это собственно коллективные труды словарного типа, отразившие в своих общих принципах и конкретных решениях (особенно пробный выпуск) итоговое мнение редакции будущего словаря. Исследования, вошедшие в состав настоящего сборника, также выросли главным образом из работы над словарем и обнаруживают несомненное единство интересов и общность этимологических позиций авторов, но это все-таки, в отличие от упомянутых публикаций, исследования отдельных авторов, содержащие их оригинальные толкования, независимо от принятия их (или отклонения) редакцией словаря (см. Úvod). Кроме того, состав авторов сборника соответствует с о в р е м е н н о м у составу брненского этимологического коллектива, претерпевшего за истекшее время некоторые изменения. Почти все авторы сборника хорошо известны своими работами в области этимологии. Тем не менее сборник, объединяющий их новые исследования, представляет особый интерес как комплекс индивидуальных трудов членов одного коллектива, выявляющий специфику каждого автора и общее направление коллектива.

Сборник состоит из пяти статей и четырех небольших заметок (последние объединены в разделе Marginalia). Статьи посвящены этимологизации отдельных групп славянской лексики, выделенных по различным принципам. При этом уже тематика статей обнаруживает связь с традициями чешской этимологической школы, наиболее ярко выраженными в работах Й. Коржинека, В. Махека, Ф. Копечного. Так, статья Г. Плевачевой посвящена этимологизации названий растений — теме, которая получила глубокую разработку в монографии В. Махека «Česká a slovenská jména rostlin». В центре внимания статей Е. Гавловой и В. Шаура находится проблема этимологизации омонимов, которая, будучи одной из существенных проблем этимологии, приобретает специфическое значение в связи с методическими принципами чешской школы, опирающейся на требование семантического тождества генетически

сопоставляемых лексических единиц, что значительно расширяет потенциальные границы омонимии. Традиции чешской школы прослеживаются также в специфическом интересе к явлениям звукоподражательного и экспрессивного характера, к выявлению их роли в генезисе различных групп лексики (см. статью В. Шаура).

Корпус сборника открывается статьей Е. Гавловой «Диалектные омонимы Подмоскovie». Опираясь на материалы известного «Словаря говоров Подмоскovie» А. Ф. Ивановой, автор выявляет 50 групп (двух-, трех- и даже четырехчленных) омонимов, присоединяя к ним еще 9 спорных, по мнению автора, случаев. Толкование соотношения членов отдельных групп как омонимии обосновывается их различным генезисом. Учитывая имеющиеся исследования, автор одновременно предлагает ряд новых этимологических решений для русских диалектизмов. Например, рус. *сачёк* 'молодой человек, ухаживающий за девушкой, поклонник', на основе сопоставления с макед. *sakam se* 'ухаживать, дружить', убедительно возводится к группе слав. **sočiti* < и.-е. **sek*¹ - 'следовать' (с. 27—28). Интересно сопоставление рус. *потёмка* 'неразговорчивый, стеснительный человек' с чеш. диал. *houma* 'недотепа, ротозей' и т. п. (с. 25—26). Убедительно возведение рус. *бўтор* 'бульжаник' к гнезду с корнем **bot*/**but* 'бить, толочь' (с. 12—13), а рус. *заплица* 'соха' — к слав. **polā* 'доска' (с. 33). Проведенный автором тщательный анализ обширного материала весьма интересен для суждения об источниках возникновения омонимии (ср. генетические соотношения омонимов в группах *бўфта*, *бўхта*, *фарамьга*, *глыбень*, *олянка*, *сачёк*) и ее хронологических характеристиках. Некоторые авторские толкования вызывают возражения или сомнения. Так, рус. *дўпель* 'шило' вряд ли может быть связано с *дупляшка*, *дуплянка* 'дубленая овчина' (с. 14—15), так как реальность значения 'шило' косвенно подтверждается существованием технического термина *дўбель*, *дўбель* 'монтажный гвоздь в электротехнике, заменяющий пробку'; вероятно, *дўпель* 'шило', как и *дўбель*, *дўбель*, восходит к нем. *Dubel* 'гвоздь'. Рус. *полохнуть*, *полоснуть* 'ударить' скорее связано не с *полоскать* (с. 23), а с *полоса*, *полосовать*. Для истории рус. *солжница* 'солонка' сомнительна контаминация *солоница* с *солома* (с. 29); более вероятно диссимилиция *-ни-* > *-ми-* в исконном **солонница*. Гипотеза о связи рус. *кблка* 'одноконная упряжка' с *кол* (с. 37) не разработана семантически; скорее *колка* должно быть связано, как и *двуколка*, *одноколка*, с диал. и стар. *колёса* и *кола* 'телега, простая повозка'¹ (все — из праслав. **kolo*, *-ese*). В группе *кочўра* Е. Гавлова разделяет как омонимы лексемы со значением 'укладка хлеба из 15—18 снопов' и со значением 'пьяница', причем возводит первую к гнезду рус. *кочка*, вторую — к диал. *качать* 'пить, напиваться' (с. 18). Первое толкование не вызывает возражений, второе — достаточно вероятно (ср. и рус. простореч. *накачаться* 'напиться'). Однако материалы русских диалектов свидетельствуют о том, что имена с корнем *кок-/коч-* на базе первичного значения 'не что изогнутое' могут развить значения 'верзила', 'глупец, упрямец': ср. *кочёра* 'кривая елка', 'глупец, упрямец'². Семантическое развитие в этом направлении представлено и для рус. *кочура*: ср. *кочура*, *качура* ряз. 'кочка', влад. 'суслон, крестец'³, но твер. *качўра* 'дылда, верзила', откуда далее *качўрить* 'поваливать', *качуриться* 'маяться, переминаться'⁴. На этом семантическом фоне уничижительных обозначений человека достаточно вероятно и появление значения 'пьяница', так что подмоск. *кочура* в обоих значениях может быть генетически единой лексемой.

Статья Г. Плевачевой «Из славянских названий растений» состоит из двух частей, в которых рассматриваются соответственно хорв. *naglen* 'Cytisus laburnum L.' и чеш. *netik* 'впд папоротника'. Анализ базируется на ши-

¹ Даль³ II, стб. 345.

² Покровский Ф. О народных говорах сев.-зап. части Костромской губернии. — ЖСт. 1897, год 7-й, вып. III—IV, с. 465; Бычков А. Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии. — Сб. ОРЯС VIII, с. XLVI.

³ Даль³ II, стб. 464.

⁴ Там же, стб. 248.

роком лингвистическом материале в сочетании с данными о ботанических и медицинских свойствах растений. Опираясь на сведения о быстро проявляющемся рвотном действии растения *Cytisus laburnum* (*naglen*) и наличие группы в.-луж. *nahlenc* 'болезнь скота', ст.-чеш. *náhlec* 'овечья болезнь', *náhlicě* 'лихорадка', автор толкует хорв. *naglen* как производное от *nago* 'спешный'. Предполагаемая словообразовательная связь представляется надежной, но семантика слав. **nagľь*, включающая элемент интенсивности, активности, дает, кажется, основания и для реконструкции иной мотивировки названия растения — по его обильному, раннему и яркому цветению (чеш. *zlatý děšť*!) Интересная этимология предложена для чеш. *netik*: учитывая особенности листьев растения ('волосатых') и известный в народной медицине принцип *similis similibus curantur*, Г. Плевачева толкует *netik* (и с.-хорв. *otoka* то же) как производное от **tek-* 'течь' с первичной мотивацией 'препятствующий выпадению волос' (ср. лат. *contra fluxum*).

З. Шарпаткова в статье «К объяснению некоторых старославянских слов» рассматривает значение и происхождение ст.-слав. *накладъ* и «стежь, естежь». Автор опирается на тщательный текстологический анализ, к которому присоединяется далее этимологический анализ близкой лексики из других славянских языков, и приходит к весьма убедительным выводам: значение ст.-слав. *накладъ* следует уточнить как 'кованая накладка, острое', а ст.-слав. «стежь, естежь» — 'плащ, скрепляемый пряжкой, застежкой, булавкой'. Необходимо, кажется, лишь одна поправка: словен. *stogla* 'ремень' восходит не к **steg-*, а, как и чеш. *stuha*, к **teg-*⁵.

В. Шаур в статье «Славянское *pi-*» поставил своей целью пересмотр этимологии обширного круга славянской лексики, объединяемой указанным корневым элементом. Автор исходит из несомненности функционирования как в праиндоевропейском языке, так и в праславянском целого ряда гетерогенных, омонимичных элементов *pi-* и стремится прежде всего уточнить роль звукоподражательных и экспрессивных явлений в формировании соответствующей славянской лексики, которая рассматривается на широком индоевропейском фоне. Обосновывается ряд новых этимологических толкований. Так, к звукоподражательным по природе образованиям автор относит слав. **pěti* (с. 85—87) и **piti* (с. 91—94), указывая на наличие некоторых «неправильностей» в их формо- и основообразовании. Впрочем, иногда автор неточен: так, праслав. **piješь* не должно было дать рус. **пиешь* (с. 93), так как *i* перед *r* развивалось особым путем (ср. рус. *шея* < **šija*). Вряд ли основательны сомнения автора в реальности каузатива **pojiti* (с. 93). Чеш. *pisk* 'стержень пера' (также толкуемое как звукоподражание, с. 83), вопреки мнению автора, имеет соответствия в других славянских языках (ср. с.-хорв. *piska* 'короткий колышек', 'щепка', болг. (Геров) *пыска* 'клин', *пѣсѣк* 'рассоха') и может быть генетически объяснено как полнзначное слово, производное от **pyxati*⁶. При анализе полнзначной лексики с корнем *pi-* В. Шаур большое внимание уделяет критике гипотезы Ш. Ондруша о существовании праслав. ***piti* 'резать' как производящей основы слав. **pěti*, **pitva*, **spyjiti*, **pila*, **pilьnъ*, **pěnědzь*, **pyxati*, **pyxati*. Эта гипотеза действительно вызывает ряд возражений как структурного, так и семантического порядка, для многих из упомянутых лексем более убедительны другие толкования (**pila*, **pěnědzь*, **pyxati*), но вряд ли можно игнорировать определенные славянские и иранские аргументы в пользу реальности значения 'резать' для и-е. **pei-* и его расширений: ср. предложенное О. Н. Трубачевым сопоставление слав. **pitvati* с авест. *pōidwa-* 'раздроблять' и далее — со слав. **pyxati*⁷. Некоторые из высказанных В. Шауром сомнений неосновательны: так, структурно и семантически возможно образование **pilьъь* от ***piti* (с. 110) — ср. **gnilьъь*. Детально обследуя большой славянский материал и его индоевропей-

⁵ См.: *Мачек*², с. 590.

⁶ См.: *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VI. — *Этимология*. 1976. 1978, с. 35—38.

⁷ *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — *Этимология*. 1965. М., 1967, с. 62—63.

ское окружение, автор предлагает некоторые новые этимологические решения. Интересны, например, предположение о связи слав. **spojiti* 'соединить' (не **spojiti!*) со **spěti* (с. 107), а также мысль о родстве **pilьnъ* с **pitěti*, хотя реконструкция глагола типа **pitti* 'заботиться', как признает и сам автор (с. 111), слабо аргументирована. Статья в целом подчеркивает необходимость и сложность разграничения омонимичных корней (и производных от них образований) на самых различных хронологических уровнях, особенно при таком фронтальном рассмотрении славянской лексики, которое предполагается при составлении этимологического словаря славянских языков.

Большой лексический материал собран и этимологически охарактеризован в статье П. Вальчаковой «Чешские названия каш». Работы этого профиля очень существенны для реконструкции материальной культуры древнейшего славянства. Для этимологии особый интерес представляют вскрытые семантические модели (в частности, обилие производных от звукоподражаний).

В разделе *Marginalia* Э. Шарапаткова публикует заметку о семантике рус. *лядвек*: автор обращает внимание на неточность толкования этого слова и родственных, а также рус. *мулить* у некоторых этимологов и при переводах, что иногда приводит к семантически недостаточно обоснованным сопоставлениям (например, *лядвек* с рус. *ляга*, *ослядь*, см. Откупщиков).

В. Шаур предлагает в этом разделе новую этимологию чеш. *náruživýj* 'страстный', толкуя его как родственное со словен. *ružiti* 'лущить, обдирать' и рус. *ружь* (*наружу*), при первичной мотивации 'проявляющийся, явный'. Оставляя в стороне рус. *ружь*, представляется возможным принять связь чешской и словенской лексем как рефлексов слав. **ruž-* 'драть, рвать', но скорее при семантической мотивировке, аналогичной рус. *рвеню* (от *рвать*)⁸.

Интересны наблюдения Г. Плевачевой о возможности романского происхождения с.-хорв. *nōsvica* 'Acipenser Ruthenus L.' (ср. лат. *nasua* 'носатый', от *nasus*).

Е. Гавлова в заметке «*Slam*» предложила убедительную этимологию рус. диал. *слам* 'отступное' как тюркизма (ср. казан.-татар. *aslam*). Это толкование, однако, уже ранее разработано В. И. Абаевым⁹.

Завершая обзор сборника «*Etymologica Brunensia*», следует отметить актуальную направленность разрабатываемой тематики, обширность лексических материалов, глубину разработки этимологических проблем, творческий подход к анализу славянской лексики, что характеризует сборник в целом при бесспорной индивидуальности интересов и идей отдельных авторов и побуждает возлагать большие ожидания на создаваемый этим коллективом словарь. Сборник будет встречен с большим вниманием всеми специалистами по славянской этимологии, которые заинтересованы в том, чтобы брненский сборник стал периодическим изданием.

Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина

⁸ Ср. обоснование реконструкции праслав. **ruž-*: Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных пмен. V. — Этимология. 1975. М., 1977, с. 34—36.

⁹ Абаев В. И. Из истории слов. I. — ВЯ, 1958, № 1, с. 120—124; *Фасмер* III, с. 666 (дополнение).

Этимологические исследования. Этимология русских диалектных слов. Отв. редактор А. К. Матвеев. Свердловск, 1978 (Уральский ун-т им. А. М. Горького)

С 1960 г. Издательство МГУ не очень регулярно, но выпускало серию Этимологических исследований¹. затем это издание почти или, может быть, даже совсем прекратилось. Другие наши вузы специальных сборников по такой тематике не издавали. Уже поэтому начало публикации Уральским универси-

¹ Этимологические исследования по русскому языку, вып. I—VIII. М., 1960—1976.